

Два рассказа, которые мы публикуем, взяты из сборника произведений Сугиарти Сисвади «Рай на земле», изданного в Джакарте в 1960 году.

Сисвади — прогрессивная индонезийская писательница и поэтесса — сотрудничает в редакции женского журнала «Апи Картини», ведет активную работу в джакартском отделении «ЛЕКРА» (объединения передовых деятелей культуры Индонезии). В 1961 году писательница возглавляла делегацию «ЛЕКРА», посетившую Советский Союз.

СУГИАРТИ СИСВАДИ

Индонезийская писательница

РАЙ на земле

А О ЧЕГО приятно человеку вспомнить о своих детских годах! И так хочется повернуть лодку, в которой плывешь по реке жизни, в обратный путь. Снова превратиться в малолетнее невинное существо. Не знать, что такое трудности, невзгоды. А уж если они тебя не минуют, уметь быстро забывать о них: туча еще из виду не скрылась, а ты уже смеешься.

...Когда бабушка заканчивала свою вечернюю молитву, провозгласив после этого не менее тридцати трех раз хвалу всемогущему аллаху, мы, внучата, усаживались вокруг нее на циновке. Конечно, предварительно мы должны были чисто-начисто вымыть ноги. Каждый вечер мы просили бабушку рассказывать нам что-нибудь интересное. Ей случалось и повторять свои истории, но слушать их нам все равно было в удовольствие. Бабушка рассказывала о всевышнем и ангелах, о феях и о дьяволе, об аде и рае.

Грешники, говорила она, в загробном мире, после смерти, попадут в ад.

— А где этот загробный мир? — спрашивали мы.

В нашем представлении он находился где-то на небе — может быть, на луне или на какой-нибудь большущей яркой звезде. Все озорные, непослушные дети непременно угодят в ад. Там очень жарко, намного жарче, чем даже в песках Аравии. Наш дедушка когда-то побывал в Мекке и часто вспоминал о выжженных солнцем пустынях, которые он прошел. А в аду, по словам бабушки, жара в тысячу раз больше. Но ты там не сгоришь до смерти, нет, а будешь мучиться, пока не расплатишься за все свои грехи.

Один за другим будут появляться черти и бить тебя раскаленными железными прутьями. Руки твои скуют кандалами. Вокруг тебя будут виться ядовитые змеи, скорпионы, сороконожки. Твоих криков и стонов не услышат ни мать, ни отец — так и мучайся, отмаливай грехи.

От страха у нас волосы вставали дыбом, и по ночам мы долго не могли заснуть. Нам было жалко самих себя. И зачем мы только родились на свет! Чтобы страдать потом в аду?

Лишь те, говорила бабушка, кто сумеет всю жизнь прожить свято, безгрешно, вознесутся в рай. Красота в раю необыкновенная. Там не бывает ни дня, ни ночи, ни темени, ни света. Обитателям рая неизвестно, что значит быть сытым или голодным. Там царит приятная свежесть и прохлада, и повсюду летают ангелы. Там растут все-все фрукты, какие есть на свете, только они в тысячу раз вкуснее. Обычно при одном взгляде на мангустан¹ у нас уже слюнки текли, но бабушка предупреждала, чтобы мы не вздумали есть его с сахаром, иначе мож-

¹ Мангустан — сочный и сладкий тропический плод.

но отравиться и умереть. А в раю — ешь как хочешь и сколько твоей душе угодно.

— Бабушка, а ваянг в раю есть? — спрашивал мой младший братишка, большой любитель кожного ваянга².

Бабушка улыбалась. Ваянг для рая не годится, его туда не возьмут.

Засыпая, мы вздыхали о том, почему не умерли совсем маленькими. Тогда бы мы наверняка попали в рай — ведь маленькие дети еще не успели накопить грехов. Так говорила бабушка.

Каждое утро мы следили друг за другом, как полицейские, чтобы никто из нас не совершил какого-нибудь греха и не угодил за это в ад. Ах, до чего мне было жалко моего толстопузенького братишку, любителя ваянга, непослушного сорванца! Если он не исправится, придется ему мучиться в аду. И ничем уже не поможешь...

Когда наступал рамадан³, мы прилежно постились. Но мой озорной братишка то и дело нарушал пост среди бела дня. На глазах у всех он удирал в сад к какому-нибудь из своих приятелей, взбирался на белимбинг⁴, срывал плод побольше и быстро уничтожал его, спрятавшись в укромном уголке. Я и сердилась на него и чувствовала к нему жалость. Ведь у него живот, как мешок. С таким животом разве стерпишь голод!

Но бабушка говорила, это ничего. Он, мол, еще очень мал, может пока и не поститься. Вот вырастет — тогда другое дело.

И наша служанка поста не соблюдала. А ведь она была совсем взрослая, потому что уже стала вдовой.

Как-то я спросила ее:

— Мбок⁵, почему ты не постишься?

— Ден⁶, — отвечала она, — если я стану поститься, у меня не будет сил стирать белье и подметать двор, а к вечеру я даже гладить не смогу.

— Но ты же попадешь в ад, — опечалившись, сказала я.

Она улыбнулась.

— Что поделаешь, ден, я не хочу, чтобы твоя мать на меня гневалась. Какой уж тут пост, лучше я без него обойдусь.

Я пожалела служанку. И правда, ей достается, одной стирки хоть отбавляй — ведь у меня шестеро маленьких братишек и сестренка.

Наша соседка тоже не постилась. Удивительно!.. Она же не служанка, ей бояться некого. Я спросила: разве она не хочет попасть в рай?

² Ваянг — театр теней. В «кожаном» ваянге фигурки героев сделаны из кожи.

³ Рамадан — месяц поста.

⁴ Белимбинг — фруктовое дерево с кисловатыми на вкус плодами.

⁵ Мбок — тетя, тетушка (как обращение).

⁶ Ден (сокр. от *раден*) — своеобразный титул члена семьи, принадлежащей к знатному роду.

— Если я буду соблюдать пост, — объяснила добродушная женщина, — я скоро не смогу поднять ступку, чтобы смолоть рис, и мне нечего будет носить на базар.

Не думали поститься и многие из моих сверстниц, подруг по играм. Они сказали:

— Ты вот постишься раз в год, а мы — каждый день, нам и так голодать приходится.

Я вернулась домой расстроенная и с тех пор вечерами усердно молила всемогущего аллаха, чтобы у нашей служанки было поменьше стирки, а у соседки — побольше обмолоченного риса и чтобы мои друзья Тармин и Мина всегда могли есть досыта. Тогда все они будут поститься, и мы вместе по заслугам попадем в рай.

Однажды я увидела, что сын нашей служанки Джимин крепко-накрепко привязан к столбу. Это было наказание за то, что он стащил у моей матери деньги. И стащил-то всего один сен⁷, но мой отец сказал: пусть ему в другой раз будет неповадно. Джимин плакал, просил прощения, но ничто не могло. Мне стало жаль его.

— Мин⁸, — обратилась я к нему, — не надо больше воровать, ладно? Это же грех, и ты можешь попасть в ад. Неужели ты хочешь, чтобы из-за какого-то сена тебя потом черти на огне жарили? — А про себя добавила: «Тебе и так уж досталось!..»

— Но мне так хотелось купить бумажного змея, — всхлипывая ответил Джимин.

— Попросил бы денег у своей матери, зачем же красть?

— У нее нет больше денег, кончились. Вчера долг отдала ростовщику — в прошлый лебаран⁹ одежду у него покупала...

Теперь к моим вечерним молитвам добавилась еще одна: пусть будет так, чтобы все ребята могли покупать себе бумажных змеев. И пусть у их матерей всегда будут деньги и не останется никаких долгов. Да, и еще чтобы исчезли все ростовщики, потому что они тоже грешники. Словом, пускай люди живут безбедно, покупают то, что им хочется, не знают ни краж, ни ростовщиков.

Ведь вот у моей матери нет долгов, поэтому нам и не надо воровать. Так думала я.

Но... Помню, как-то ночью я вдруг проснулась. Проснулась, услышав плач моей матери и громкую ругань отца. Больше я уже не могла сомкнуть глаз. Отец явно сердился за что-то на маму, а она плакала и сквозь слезы отвечала ему так же сердито. Они ругались такими плохими словами, что я даже не посмела бы их повторить. Потом у отца, видно, кончилось терпение, он ударил маму, и она

⁷ Сен — мелкая монета, 0,01 индонезийской рупии.

⁸ Мин — сокр. от Джимин.

⁹ Лебаран — праздник, следующий за месяцем поста.

зарыдала еще громче. Я чуть не вскрикнула от ужаса, но удержалась, побоявшись, что и мне попадет.

Я услышала, как мама сказала:

— Все в заклад да в заклад, когда же наконец хоть что-то вернем? Еще немного — и все вещи пропадут. Одни мои серьги чего стоят, разве такие купишь? Мужчина, а не может денег достать!..

— Сама виновата, — слышался голос отца. — Я же говорил тебе, нельзя тратить казенные деньги. Когда их нужно возвращать или ждешь, вот-вот ревизия будет, ясное дело, приходится твои вещи закладывать. Чего же ты хочешь?

— Мало нам твоего жалованья, мало, — вздохнула мама.

Но я уже больше не слушала. По лицу у меня текли слезы, мне было очень горько. Мой отец и мать совершили грех. А бабушка говорила: люди должны жить благочестиво и дружно, не ссориться, не сердиться друг на друга, не драться, не воровать — в общем, должны быть полны добродетелей.

О всемогущий аллах, дай же моему отцу достаточное жалованье, чтобы ему не нужно было красть казенные деньги и чтобы они не ругались с мамой так страшно по ночам, когда мы, дети, уже спим. И пусть у матери Джимины и у родителей всех моих друзей будет столько денег, чтобы они могли всегда жить хорошо. Джимин тогда тоже сможет учиться в школе, как и я, и станет образованным человеком, а не каким-нибудь воришкой...

Хорошо помню: когда у меня уже слипались сонные глаза, я молила всевышнего осчастливить людей, устроить им рай на земле. Тогда людям незачем будет грешить и бояться ада.

...Когда я стала взрослой, я поняла, что моя детская молитва, как и молитвы наших отцов и матерей в те времена, была правильной.

Но теперь я не только молюсь об этом. Теперь и я и все те, кто когда-то молился по темным углам, боишься ада, — все мы действуем. Мы действуем, мы боремся, чтобы добиться рая на земле.

ДИССЕРТАЦИЯ О КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Молодой иракский ученый-курд Иззеддин Мустафа Расул успешно защитил в Азербайджанском государственном университете имени С. М. Кирова диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тема диссертации — «Реализм в современной курдской литературе Ирака». Автор подчеркивает, что молодая литература Иракского Курдистана отражает жизнь простого народа, его борьбу за свои национальные права, активно участвует в движении народов за мир. Писатели-курды борются за создание литературы социалистического реализма.

ДВОЕ ОДИНОКИХ

С ОЛНЦЕ поднималось все выше, но толпы беженцев не редели. Теснясь к обочинам, узкими проселочными дорогами густо шли люди, разные люди, богатые и бедные. На спинах, на головах тащили они домашний скраб — все, что можно было унести с собой. С ними были и дети — самое ценное их богатство. Дороги, битком забитые людьми... Молчаливая, печальная процессия среди шумной кутерьмы бурлящих событий... Необычайное зрелище.

Шли семьями. Впереди — мужчины с детьми, с тяжелой ношей, кое-кто даже с буйволами на поводу; позади — понуро бредущие женщины и старики. Они не были уверены, что выбрали верное направление. Но они знали, чего ищут, куда стремятся всей душой: туда, где громко раздается заветный клич: «Мердека!»¹, развеваются красно-белые флаги² и звенят вдохновенные боевые песни.

Этим людям пришлось покинуть свои дома, бросить имущество, когда оккупанты в безумной жестокости подожгли их родной город.

Нешадно палившее солнце полновластно царило на голубом безоблачном небе. Люди брели по голым дорогам. Ни клочка тени... Старые деревья, росшие на обочинах, были срублены. Над иссыхающей землей смутно колыхалось знойное марево. Маленькие дети задыхались от жары, плакали, но взрослым некогда было утешать их, они ускоряли шаг: надо спешить, ведь всякое может случиться, а здесь даже укрыться от опасности негде. Только бы ничего не случилось!..

Но вот, едва солнце перевалило зенит, издали, с запада, донеслось зловещее гудение. Беженцы, оборачиваясь, в страхе вскидывали головы к небу. Летучий призрак смерти приближался стремительно и неотвратно. Показалось несколько самолетов. Они перешли на бреющий полет. Грянули пулемет-

¹ Мердека — свобода.

² Красный и белый — цвета государственного флага Республики Индонезии.

ные очереди — одна за другой, одна за другой... В мгновение ока толпа смешалась. Мужчины, старшие в семьях, увлекали своих близких подальше от дороги. Дети разбегались куда глаза глядят. Людей охватила паника.

Едва пролетели самолеты, как послышался рокот вражеских танков. Вздывая клубы пыли, они утонули тяжелыми гусеницами голую бесплодную землю вдоль дорог, по которым метались беженцы. Когда танки поравнялись с людьми, снова застрочили пулеметы...

Трудно сказать, сколько времени длилось это дикое побоище. Каждый отмерял секунды по биению своего сердца. А сердца бились по-разному: у одних лихорадочно-быстро, у других совсем медленно, замирая. Пока бились вообще... Повсюду раздавались стоны раненых, крики, проклятья.

Наконец кроважидные дьяволы исчезли. На опустевших дорогах лежали трупы. Оставшиеся в живых медленно вставали с земли. Свобода, к которой они стремились, стала еще желанней. Они заплатили за нее слишком дорогой ценой.

Семьи собирались вновь. Многие недосчитались своих родных. Плакали погибших, рыдали над окровавленными детьми. Здесь задержались надолго. Перевязали раненых, похоронили мертвых. И поредевшей толпой двинулись дальше. Людей, еще вчера совсем не знавших друг друга, объединила теперь одна горькая судьба. Разбитые усталостью, пережившие тяжкое испытание, они не были сломлены и с новой, упорной решимостью шли вперед и вперед.

С наступлением темноты добрались до какой-то деревни, покинутой жителями. Разбрелись по опустевшим домам, стали устраиваться на ночлег.

В один из домов вместе с несколькими семьями вошла молодая женщина. В ее глазах застыло выражение горя и отчаяния. Но сейчас каждому хватало своих печалей. Женщина уселась на пол в свободном углу комнаты, в стороне от остальных. Все расстилали взятые с собой циновки, укладывались спать. Женщина повела вокруг тоскливым взглядом, из груди ее вырвался глубокий вздох.

Ночь выдалась холодная. В доме царила темень: зажигать свет было опасно. Люди натягивали одеяла, теснее прижимались друг к другу. Согреваясь, в сонном забытии гнали от себя кошмарные воспоминания, и они отдалялись, слабели. Смолкли стоны, стало совсем тихо.

Молодая женщина свернулась калачиком на своей циновке. Она дрожала от холода, тщетно пытаясь плотнее укутать ноги подолом юбки. Вдруг она почувствовала, как ее колен коснулась детская головка. Вслед за тем с полу приподнялся проснувшийся малыш, доверчиво потянулся обеими ручонками к женщине и, крепко обвив ей шею, улегся рядышком с ней. Она нежно провела ладонью по

курчавой голове мальчика, обняла его, прошептала с любовью: «Гиман» — и заснула.

Наступило утро. Дальняя дорога опять звала беженцев. Люди наскоро плескали в лицо холодной водой и разводили огонь, чтобы сварить кофе, выпить хоть по глотку горячего, перед тем как идти дальше.

Малыш, проспавший почти всю ночь в ласковых материнских объятиях молодой женщины, сидел в уголке, не спуская глаз со взрослых, торопливо пьющих кофе. Лишь изредка он поглядывал украдкой на ту, что назвала его Гиманом. Но теперь она смотрела на мальчика равнодушно, будто случившееся ночью лишь приснилось ей. Вместе со всеми она вышла из дому и затерялась в толпе...

Наконец беженцы добрались до окраины освобожденного города. Пока солдаты городской охраны проверяли тех, что подошли первыми, остальные отдыхали после утомительной дороги, расположившись под сенью густых деревьев. Да, они надеялись на более радужный прием, но ничего не поделаешь. Сюда не должны проникнуть подозрительные лица. Значит, придется пройти и это испытание, чтобы получить право дышать воздухом свободы. Они ведь не герои боев, а беженцы, просто верные граждане своей страны.

Солдаты были невзрачны на вид, совсем юнцы, в старом, истрепанном обмундировании. Проверая беженцев, они расспрашивали их о положении на фронте, сокрушенно качали головами и ругали голландцев. Эти юноши познакомились с винтовками недавно, когда им пришлось атаковать японские казармы и встретиться лицом к лицу с солдатами, уже имеющими боевой опыт. Но никто не посмел бы назвать их трусами.

Один за другим вступали беженцы в город. Те, у кого остались кое-какие припасы, на прощанье дарили солдатам пачку табаку или банку сгущенного молока, сушеное мясо с пряностями, одеколон, печенье... Нескольких человек, показавшихся охране подозрительными, отправили куда-то под конвоем. Не прошедшие еще проверку заворачивались.

Молодая женщина была, казалось, безразлична ко всему, что происходило вокруг. Когда настала очередь той группы, в которую она попала, она вместе с другими неторопливо пошла к городским воротам, молчаливая, печальная. Одета женщина была очень бедно, все ее имущество составлял небольшой узелок. Внезапно она остановилась, оглянулась. Крепко уцепившись за ее юбку, рядом с ней стоял малыш. Он дрожал всем телом, и крупные, как жемчужины, слезы катились по его щекам.

— Я боюсь их, давай убежим, они с ружьями, — всхлипывал он.

— Чего ты боишься? Где твоя мама?

— Умерла. Ее застрелили люди с ружьями. И папу тоже... Я боюсь, давай убежим отсюда, они нас убьют.

— Не бойся, мальчик,—успокаивала его молодая женщина,—это наши солдаты, это не голландцы.

Выражение ее глаз изменилось, в них уже не было прежней тоскливой отрешенности. Она взяла мальчика на руки и твердой, уверенной походкой направилась к воротам.

— Ваша фамилия?—спросил ее низкорослый солдат.

Она назвала себя.

— Вы одна?

— Нет, с ребенком.

— А муж?

— Его арестовали голландцы, посадили в тюрьму.

— Это ваш ребенок?

— Да.

— Как его зовут?

— Гиман.

— Нет,—громко запротестовал малыш,—я Сламат, а не Гиман.

— Да, да, Сламат,—поспешно сказала она,—просто я называю его иногда Гиманом.

Солдат рассмеялся.

— Верно, братишка, имя Сламат тебе больше подходит, оно покрасивее.

— Меня зовут Сламат Рахарджо,—упрямо повторил мальчик.

— Да, сынок, поэтому тебя и минуют все беды³. Но ты для меня Сламат только в лебаран, а на каждый день и Гиман — имя хорошее.

— Ну, теперь все ясно,—снова рассмеялся солдат,—Идите на общую кухню, там получите свой паек. Сламату-Гиману не мешает подкрепиться.

Порывистым движением малыш прильнул к молодой женщине.

— Мама моя, мама!

Несколько беженцев, стоявших позади, наблюдали за этой сценой с изумлением. Ведь вчера днем, когда их обстреляли голландские самолеты, они своими глазами видели, как эта женщина рыдала над трупом своего сынишки — такого же малыша, падала рядом с ним без чувств, поднималась и опять падала...

Два года спустя молодая женщина вернулась в свой родной город, освобожденный от голландских захватчиков. Здесь она узнала, что с той поры, как она встретила Сламату, они с этим малышом остались одни на всем свете.

Ее муж погиб в тюрьме, замученный врагами.

И вдвоем с мальчиком они вновь двинулись в дальнюю дорогу, на которой их ждало еще много трудностей и бед. Они смело пошли по ней вперед, чтобы достичь наконец заветной цели — истинной Свободы.

Перевел с индонезийского
Леонид Колосс

³ Сламат (селамаат) — удачливый, счастливый.

ПОБЕЖДЕННЫЙ САТЛЕДЖ

(Окончание. Начало см. на стр. 33)

примере двух городков Нангал и Новый Нангал, расположенных неподалеку от плотины, друг против друга, по обоим берегам Сатледжа. На правом берегу размещен государственный завод искусственных удобрений мощностью в 180 тысяч тонн в год. Сырьем для него служат вода Сатледжа и воздух, а энергию ему дает Бхакра-Нангал. Завод построен по последнему слову техники и обязан своим возникновением исключительно Бхакра-Нангалу.

Рядом с заводом раскинулись светлые одноэтажные здания для рабочих и инженеров. Здесь есть своя больница, клубы, школы. На противоположной стороне находится городок строителей плотины. Там такие же ровные улицы, уютные дома, много зелени. И всему этому дала жизнь Бхакра-Нангальская плотина, в оснащение которой вносит большой вклад наша страна.

«Советский Союз,—сказал мне генеральный управляющий Бхакра-Нангальской плотинной Палта,—оказывает ценную помощь в увеличении мощности электростанции. Советские инженеры разработали хороший проект, и мы его приняли. Сейчас прила-

гаются большие усилия с целью ускорить строительство и как можно быстрее подготовить здание, в котором разместятся турбины из Советского Союза. Время не ждет. Ведь в будущем году мы ожидаем первую партию советского оборудования. Прогресс Индии неотделим от развития энергетической базы. Мы очень интересуемся достижениями Советского Союза, и я думаю,—подчеркнул Палта,—что большой опыт, накопленный советскими инженерами в области производства электроэнергии поможет в подъеме промышленности и сельского хозяйства Индии».

Слушая генерального управляющего плотинной, я вспомнил, как на небольшой площадке, нависшей над скалой вблизи плотины, экскурсовод рассказывал группе приехавших индийцев о плотине, о том, что она даст стране. Примостившись на корточках, люди внимательно слушали экскурсовода. И, может быть, перед их глазами вставала новая Индия, которая не будет знать нищеты, болезней, неграмотности, Индия века атомной энергии и покорения космоса.